

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Б. М. СИНОЧКИНА

При обращении к фразеологии любого языка прежде всего отмечается устойчивость идиоматики, нередкая архаичность, способность пережиточно сохранять элементы и отношения, не встречающиеся при свободном словоупотреблении. Закрепленная традицией, фразеология кажется почти неподвластной времени. Даже историки языка обычно интересуются лишь истоком происхождения того или иного фразеологизма и констатируют факт его ухода (если это имеет место) из активного словаря. Семантическая же история собственно фразеологизма бывает иногда не менее интересной, чем обстоятельства лексикализации словосочетания или причины его утраты. Являясь частью языковой системы, фразеология не изолирована от ее регулирующего воздействия и не может не реагировать на происходящие в системе изменения.

Проследим путь развития ряда русских фразеологизмов одной исходной модели: фразеологических единиц (далее — ФЕ), представлявших собой в прошлом парные сочетания лексических синонимов и дублетов. В древнерусском и старорусском языке сочетание в определенных коммуникативных целях нескольких равнозначных лексем являлось нормой. Наиболее частотные из сочетаний синонимов, закрепляясь в неизменной форме, превращались постепенно из фактов употребления (через этап речевого штампа) в достояние системы языка.

С изменением норм сочетаемости близких по значению лексем в литературном языке жизнеспособными оказались лишь те фразеологизмы с некогда дублетными компонентами, плеоназм которых стал не слишком явным. Этому могли способствовать затемнение фонетико-морфемного состава слова и последующее изменение его семантики (*вокруг да около*), забвение совпадающего значения ранее синонимичных компонентов ФЕ (*служить верой и правдой, совет да любовь, подбру-поздорову*). Семантическое тождество сменялось отношениями гипонимии, а иногда и антонимии (*ни уму ни сердцу*).

Экспрессивность ФЕ данной модели отныне создается не семантическим повтором, а за счет различий в значениях сопоставляемых лексем, которые могут колебаться в достаточно широких пределах. Ср.:

вкривь и вкось, до поры до времени, ни конца ни краю, не думать не гадать, ни свет ни заря. Традиционные русские выражения, не изменившись функционально и сохранив в основном свои прежние целостные значения, подверглись внутренним, глубинным преобразованиям, отражающим как изменения в значениях отдельных слов, так и тенденции развития лексико-семантической системы языка в целом. Приблизительно к середине XVIII в. ведущей тенденцией развития лексики становится не накопление словарного состава, расширение его номенклатуры, а упорядочение словаря, стремление к семантической четкости лексем. Круг употребления одного слова очерчивался в зависимости от сферы употребления другого, сходного с ним по семантике, с тем, чтобы они не перекрывали, а дополняли друг друга [Маковский, 1965, с. 85]. Сочетание семантически дублирующихся слов перестает быть средством экспрессии как не удовлетворяющее возросшим требованиям и возможностям языка. Из свободно сочетавшихся синонимов сохраняются в застывшей форме лишь немногие конструкции в функции адвербиальной (формально они могут быть любыми: ср. *ни свет ни заря* 'очень рано') и предикативной как выражение высшей меры, крайней степени проявления признака, интенсивности действия, называемых сочетанием. Семантически, как уже отмечалось, это были обороты с не слишком явной или утрачивающейся тавтологичностью.

Особняком в данном ряду стоит фразеологизм с весьма любопытной семантической судьбой — выражение *ни шатко ни валко* <ни на сторону>. В современном русском языке оно означает 'ни хорошо, ни плохо; посредственно'. Значение анализируемого оборота не может в синхронном плане быть выведено из значений составляющих его синонимичных наречий. При реализации данной фразеологической модели (сочинение слов предельно близкой или сходной семантики) значение компонентов-синонимов и целостный смысл выражения различаются лишь интенсивностью проявления существенного признака понятия, называемого словом и ФЕ: *до поры до времени, ни складу ни ладу*. Соотношение семантики исходных элементов со значением фразеологизма *ни шатко ни валко* позволяет сблизить его с русскими ФЕ иной модели, где отрицание диаметрально противопоставленных компонентов порождает в значении ФЕ сему неопределенности. Ср.: *ни яман ни якши* <а середня рука>, *ни богу свечка ни черту кочерга, ни рыба ни мясо, ни два ни полтора* и т. д. Регулирующее воздействие системы языка, видимо, побуждает говорящих усматривать семантическую оппозицию и в нашем случае, поскольку *шатко* может ассоциироваться с *шататься* (но не 'падать'), а менее употребительный синоним *валко* — с *валиться* ('падать').

Первичное значение выражения *ни шатко ни валко* — 'прямо, без уклона'. Переносные значения синонимов *шатко* и *валко* отражают

древнейшую связь понятий ‘прямой’ – ‘истинный, праведный’ и ‘кривой’ – ‘обманный, греховный’. Ср. утраченный языком глагол *прямити* ‘быть верным, сохранять верность присяге’ [Порохова, 1961, с. 154–155] и устаревшее *шатание* ‘смута, волнение’ [Словарь, 1965, стб. 1294]. Та же архаичная связь понятий отчетливо прослеживается в фольклоре: *Богат, да крив, беден, да прям*¹. *Кривую стрелу бог прямит (правит). Суд прямой, да судья кривой. На суде божьем право пойдет направо, а криво налево. Рожа кривая, да совесть прямая* и т. д. О понимании *прямого* как правильного, праведного и, напротив, *кривого* – как греховного свидетельствует и содержащаяся в „Письмовнике” Н. Курганова поговорка *прав как дуга* [Курганов, 1818, с. 150]. Видимо, не к „посредственной”, а к добродетельной жизни призывала пословица: *Живи ни шатко, ни валко, ни на сторону* (в упорядоченном по тематическому принципу собрании пословиц и поговорок В. Даля она помещена уже в раздел „Осторожность”, где соседствует с сентенцией *Живи тихо да избевай лихо*). Та же мораль варьируется во многих русских паремиях: *Жить вертко (валко), помирать терпко. Крутя-вертя свет пройдешь, да назад не воротишься. Неправдою свет пройдешь, да назад не воротишься*.

В одном из словарей прошлого столетия находим следующую семантизацию выражения *ни шатко, ни валко, ни на сторону*: ‘прочно, основательно’ [Орлов, 1884, с. 360]. Академический словарь XIX в. фиксирует его в несколько ином значении: ‘не выходя из границ, умеренно’ [Словарь, 1847, с. 450]. Эта модификация также тесно связана с первичным значением выражения ‘ровно, без отклонений’. Ср. старинную русскую прибаутку: *Отец мой жил не ровно: хлеб есть – так соли нет, соль есть – так хлеба нет, а я, добрый молодец, живу ровно: ни хлеба, ни соли*.

Таким образом, интересующая нас ФЕ прошла следующий путь семантического развития:

ни шатко ни валко ‘прямо, ровно’ $\begin{matrix} \nearrow \text{‘так, как подобает’} \\ \searrow \text{‘умеренно’} \end{matrix}$ \longrightarrow ‘посредственно’

Утрата связей между понятиями ‘прямой’ и ‘отвечающий требованиям христианской морали’ сделала одобрительную коннотацию выражения немотивированной, что сказалось на его семантической судьбе. Аналогическое сближение с фразеологизмами иной структуры (где компоненты – антонимы) довершило эволюцию.

Доказательством тому, что *ни шатко ни валко* содержало в прошлом положительную оценку, служит полузабытый ныне антонимичный фра-

¹Фольклорный материал, кроме особо оговоренных случаев, цит. по: [Даль, 1957].

зеологизм и шатко и валко < и на сторону>, означающие 'очень плохо, хуже не может быть' [Молотков, 1967, с. 532].

Таким образом, в языке не только возникают новые устойчивые выражения, но и наполняются новым содержанием уже существующие.

ON THE SEMANTIC EVOLUTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS

V. M. SINOCHKINA

Summary

The article is an attempt to analyse a number of Russian idioms as realization of the same phraseological model. The greatest attention is being paid to the Russian idiom *ни шатко ни валко* and its complicated semantic history.

ЛИТЕРАТУРА

Даль, 1957 – Даль В. Пословицы русского народа. – М., 1957.

Курганов, 1818 – Курганов Н. Письмовник. 9-е изд. – СПб., 1818, ч. 1.

Маковский, 1965 – Маковский М. М. Теория лексической аттракции. – ВЯ, 1965, № 6.

Молотков, 1967 – Фразеологический словарь русского языка / Ред. А. И. Молотков. – М., 1967.

Орлов, 1884 – Орлов А. И. Полный филологический словарь русского языка. – М., 1884, т. 1.

Порохова, 1961 – Порохова О. Г. Заметки о новых словах в русском языке XV–XVII вв. – В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.

Словарь, 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии Наук. – СПб., 1847, т. 4.

Словарь, 1965 – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. – М.–Л., 1965, т. 17.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Калпсукаса
Кафедра русского языка

Декабрь, 1984